

РЕЦЕНЗИИ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ ПИСАТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИК *

Стали традиционными жалобы на отсутствие трудов, исследующих литературные процессы, которые происходят в наших разнонациональных литературах. И действительно, в этой области многое предстоит сделать. Далеко не о всех литературах Советского Союза созданы очерки истории; нет учебника по литературе народов СССР, нет общепринятых программ для вузов, мало (по крайней мере на русском языке) монографических исследований об отдельных крупных мастерах. Плохо обстоит дело с пропагандой братских литератур в журналах и газетах. При выяснении общих закономерностей советской литературы исследователи (если говорить о центральных изданиях), как правило, берут примеры только из русской литературы, весьма редко обращаясь к произведениям писателей из республик, даже вышедших в русских переводах.

И все же изучение братских литератур за последнее время сильно продвинулось вперед. Появилось и появляется немало интересных работ. К числу изданий последнего времени относится сборник Института мировой литературы имени А. М. Горького «Писатели народов СССР. Литературные портреты».

Инициатива Института, выпустившего издание такого рода, заслуживает всяческой поддержки. Семь литературных портретов (Александра Корнейчука, Миколы Бажана, Янки Купалы, Токтогула Сатылганова, Хамзы, Мусы Джалиля и Лео Киа-чели) дают добросовестный и квалифицированный анализ творчества этих писателей, показывают их рост, идейное и творческое возмужание. Читатель, обратившийся к книге, получит полное и ясное представление об их творческом пути. Сами по себе очерки не вызывают принципиальных возражений, можно не согласиться с частностями, с оценкой тех или иных произведений, однако это не изменяет общего впечатления.

Поскольку серия сборников «Писатели народов СССР» будет продолжена, хочется высказать некоторые общие пожелания.

Первое из них сводится к следующему. Составители сборника стояли перед немалыми трудностями: ведь издание такого рода осуществляется у нас впервые. Это прежде всего сказалось в принципе отбора писательских имен, лучше сказать: в отсутствии такого принципа. Едва ли можно обнаружить какую-нибудь закономерность в том, что в первый сборник попали именно те писатели, имена которых мы перечислили выше. Видимо, состав сборника объясняется просто наличием данных статей в портфеле редакции. Нам кажется, что в издании таких сборников нужен четкий, продуманный план (и было бы неплохо, если бы редакция заранее сообщила его

* «Писатели народов СССР. Литературные портреты», вып. 1, Изд. АН СССР, М. 1957, 323 стр.

читателям). План этот, видимо, должен учитывать два момента. В первую очередь, естественно, надо дать портреты наиболее значительных представителей братских литератур. Необходимо учитывать также, какая литература существует о том или ином писателе, стараясь выбирать тех, о ком написано незаслуженно мало. А уж если речь пойдет о широко известных и широко исследованных писателях, то в сборник стоит включать только работы, вносящие что-то новое. Иначе он будет выглядеть как обыкновенный справочник.

В предисловии редакционная коллегия постаралась застраховать себя от такого обвинения. «Авторы статей вынуждены повторить и многие общеизвестные факты биографии и творческого пути того или иного писателя», потому что «авторы статей стремились... дать монографическую характеристику каждого из писателей». Как будто жанр монографии исключает возможность и необходимость оригинальной интерпретации даже и общеизвестных фактов. Этой излишней «справочностью» грешат иные из очерков, например, В. Гебель «Александр Корнейчук», Л. Залесской «Янка Купала»; некоторые работы авторов книги повторяют уже опубликованные их труды (скажем, С. Крыжановского о Бажане, Р. Бикмухаметова о Мусе Джалиле).

В том же предисловии сказано так: «Советские и зарубежные читатели высказывают настойчивые желания обстоятельнее познакомиться с творчеством выдающихся писателей народов СССР... Издание сборников «Писатели народов СССР» должно в известной мере удовлетворить эти широкие, непрерывно растущие запросы». Возникает вопрос: о каком читателе здесь идет речь? Другими словами, кому адресуется книга? Поскольку редакция этого не разъясняет, приходится сделать несколько предположений.

Может быть, в виду имеется так называемый «широкий читатель»? Едва ли. Книга, изданная семитысячным тиражом, до него попросту не дойдет. К тому же для массового читателя книга написана, надо сказать, несколько суховато. Конечно, не все очерки в этом отношении одинаковы, есть написанные более живо (С. Крыжановского о Бажане, М. Богдановой о Токтогуле, Г. Уваровой о Хамзе), есть — менее (В. Гебель о Корнейчуке, Ш. Саакадзе о Киачели). В целом все-таки по своему стилю эта книга рассчитана на более или менее «усидчивых» читателей, привыкших или приученных к чтению литературоведческих работ. Вне всякого сомнения, живость слога пошла бы на пользу сборнику в любом случае, для кого бы он ни предназначался. Но сухость и деловитость стиля стала неременным признаком многих серьезных литературоведческих исследований, стала, так сказать, «хорошим тоном». Критики словно боятся проявить себя, свою индивидуальность, может быть, считая, что этим они снизят «научность» своих трудов. Не будем ссылаться на классические примеры, опровергающие это мнение, вспомним недавно вышедшую книгу К. Чуковского «Люди и книги». Вот у кого можно поучиться, — с каким беллетристическим блеском излагаются там серьезные литературоведческие проблемы!

Но вернемся к разговору о читателях. Видимо, сборник рассчитан на студентов-филологов и литературных работников. В таком случае к нему могут быть предъявлены особые требования, и в нем тогда обнаруживаются некоторые недостатки, которые, впрочем, не есть исключительная принадлежность этого сборника, а присущи многим литературоведческим работам.

Допустим, что перед нами статья или отдельная книга, названная по имени писателя, скажем, «Ф. Достоевский», или «А. Сурков», или «А. Головкин». Еще до начала чтения давайте подумаем: о чем должно быть здесь написано? Менее всего,

конечно, мы намерены вводить какой-нибудь ГОСТ на монографии, но есть известные требования, которые, как нам кажется, должны соблюдаться в подобных трудах.

Естественно, писатель нам интересен в первую очередь своим творчеством. «Я—поэт,—говорил Маяковский в своей автобиографии.—Этим и интересен. Об этом и пишу». Но можно ли создать убедительный и полный литературный портрет писателя, ограничившись только его творчеством, не воссоздавая его облика, его жизни, его биографии? Нам кажется, что литературный портрет, будь он задуман именно как литературный портрет, обязательно должен включать в себя эти моменты. Ведь Маяковский вслед за приведенными словами тут же прибавил, что пишет он и о том, «Люблю ли я, или я азартный, о красотах кавказской природы также...» Может быть, работам, в которых не учитывается весь этот комплекс, следует давать другое, более точное название? Ведь назвал же Белинский свои статьи не «А.С. Пушкин», а «Сочинения Александра Пушкина», подчеркнув тем самым, что ставит перед собой более узкую задачу, чем полную монографию о поэте.

Не ломимся ли мы, доказывая это, в открытую дверь? Нет, большинство рецензируемых монографических очерков и многие из нерецензируемых как раз страдают этим недостатком. Из них можно получить более или менее удовлетворительное представление о творчестве писателя, но не о нем самом. Правда, надо отметить одну странную закономерность, ведущую свое начало от школьных учебников литературы. Пока речь идет о детстве, о юности писателя авторы охотно расписывают мельчайшие детали его биографии — домашнюю обстановку, пейзажи, встречи, переживания. Но как только дело доходит до периода зрелого творчества, то из всех обстоятельств его жизни остаются одни даты создания произведений или сведения сугубо анкетного характера. Не представляет и в этом отношении исключения рассматриваемая книга. Вот, так сказать, облик А. Корнейчука в 30-х годах: «А. Корнейчук в эти годы выступает и как крупный общественный деятель. Он принимает активное участие в объединении советских писателей, являясь с 1938 года по 1953 год бессменным руководителем Союза советских писателей Украины.

Пользуясь доверием и любовью советского народа, А. Корнейчук с 1937—1938 года неоднократно избирается депутатом Верховного Совета СССР и УССР. С 1939 года он действительный член Академии наук УССР, а с 1943 года — Академии наук СССР». А вот в послевоенные годы — «литературную деятельность А. Корнейчук по-прежнему совмещает с государственной и общественной. На XIX и XX съездах партии А. Корнейчук избран в состав ЦК КПСС. Он видный деятель международного движения сторонников мира, член Президиума и первый заместитель председателя Советского Комитета защиты мира, член Всемирного Совета Мира, активный участник всех международных конгрессов в защиту мира». И все. Неужели о Корнейчуке — борце за мир, например, нельзя рассказать поинтереснее?

В этом смысле от других очерков выгодно отличается труд Г. Уваровой о замечательном коммунисте, выдающемся сыне узбекского народа Хамзе Хаким-заде Ниязи. Читатель живо представит себе облик этого борца.

Наш следующий упрек касается еще одной и, может быть, еще более важной стороны жанра литературного портрета. Мы говорим о воссоздании литературного фона, обстановки, в которой творил писатель. Можно ли получить представление о действительной ценности произведений того или иного писателя, беря его изолированно? Между тем в сборнике сделаны лишь робкие попытки в этом направлении.

Социально-экономическая атмосфера еще дается, причем опять-таки сравнительно подробно, как правило, только применительно к юным годам писателя. Но литературная удается не очень...

Возьмем, например, такой сложный и интересный период в истории советской литературы, как 20-е годы, и обратимся к материалу сборника. Казалось бы, в исследовании, вышедшем после XX съезда партии, можно было дать современную оценку этому времени. Первый очерк — В. Гебель о Корнейчуке. Как характеризуется здесь обстановка конца 20-х годов, когда драматург начал свою литературную деятельность? «В середине 20-х годов в советской литературе шла решительная борьба с безыдейным искусством, за деятельное участие писателя в социалистическом строительстве. Под руководством партии велась беспощадная и непримиримая борьба против проявления буржуазного национализма, стремившегося обособить украинскую культуру от русской. Большая роль в этой борьбе отводилась литературе, в частности, драматургии. Особенно сильно проявлялась буржуазная идеология в украинском театре. Во второй половине 20-х годов, когда украинская советская драматургия только формировалась, в театрах, наряду с лучшими произведениями русских и украинских советских драматургов шли и безыдейные, декадентские пьесы. Заметным положительным явлением для своего времени были ранние произведения И. Кочерги, И. Микитенко, М. Ирчана и Я. Мамонтова, пьесы которых ставились в театрах Украины. Первые драматические опыты А. Головки, В. Минко, Д. Бедзика и других писателей еще не занимали значительного места в репертуаре, хотя и сыграли положительную роль в становлении советской украинской драматургии». Совершенно очевидно, что такая характеристика 20-х годов и слишком обща и явно недостаточна. Да, собственно, зачем она в таком виде? Как относится творчество Корнейчука к творчеству хотя бы тех же И. Микитенко или М. Ирчана? Наверно, он как-то воспринял их опыт или, может быть, оттолкнулся от него. «К разрешению многих вопросов современности А. Корнейчук подошел по-новому», — так развивает свою мысль В. Гебель. Но как по-новому? По сравнению с кем? «Его первые пьесы 1928—1931 гг., — отвечает автор статьи, — «На грани», «Каменный остров», «Штурм», правда, еще страдали схематизмом в изображении новых людей, незрелостью драматургического мастерства, но отличались актуальностью тематики, четкой политической ориентацией, боевым пафосом». Но разве «Диктатура» И. Микитенко или «Семья щеточников» М. Ирчана лишены этих качеств? А если не лишены, то, во-первых, какой новый шаг сделал А. Корнейчук по сравнению с этими писателями, а во-вторых, с кем конкретно полемизировал молодой драматург, если он, как говорит В. Гебель, «заявил себя последовательным воинствующим противником реакционного романтизма, эстетствующего формализма, настойчиво и страстно проводил в своих произведениях мысль, что только в единении с народом художник может достигнуть творческого расцвета».

Возьмем другой очерк «Янка Купала» Л. Залесской. Как обрисованы в нем 20-е годы? А никак. Только очень сжато сказано о противоречиях в мировоззрении писателя в это время.

Литературная обстановка тех лет в Белоруссии отличалась значительной сложностью. Исследование 20-х годов в современном белорусском литературоведении, по сути дела, только началось. И, конечно, от автора монографии неправомерно требовать воссоздания более или менее полной обстановки литературной жизни, литературной борьбы в Белоруссии 20-х годов, и в частности исчерпывающей характеристики литературных объединений «Маладняк», «Узвышша» и др.

Но и совершенно обойти этот вопрос — значит, по нашему мнению, пойти по линии наименьшего сопротивления.

Без учета этих обстоятельств не может быть успешно решен (и он действительно плохо решается в книге) вопрос о месте данного писателя в данной литературе.

Есть еще один «больной» для литературоведов вопрос: как анализировать художественные особенности писателя, его индивидуальное своеобразие. Мы не будем упрекать авторов сборника в игнорировании такого разговора. Нет, в каждом из очерков попытка рассказать об основных художественных особенностях сделана. Правда, вряд ли самих авторов удовлетворяет уровень этого разговора, степень успешности сделанной попытки. Но, может быть, это и не их вина? Ведь согласимся, что в общей форме требование эстетического анализа высказывается весьма часто, но теоретически этот вопрос совершенно не разработан. Едва ли у всех, кто требует этого анализа, есть четкое понимание, что он должен собой представлять. Примерно то же можно сказать о том, как решены в сборнике проблемы национального своеобразия.

Издания под высокой маркой академического Института должны быть образцами для литературоведов. Первую попытку создать сборник монографий о писателях народов СССР следует всячески одобрить, высказав пожелание сделать последующие выпуски настоящими образцами.

В. РЕВИЧ

У ИСТОКОВ ДРУЖБЫ*

«**XIX** век, — писал в свое время М. Горький, — достаточно насыщен фактом идеологических и формальных связей в области духовной жизни, и эти связи необходимо ценить очень высоко, — может быть, они являются началом того великого единства, последствия которого хотя и трудно представить себе, но во всяком случае они будут благодетельны»¹.

Мы являемся свидетелями того, как блестяще подтверждаются эти пророческие слова. Широкий обмен литературой и вообще тесное культурное сотрудничество социалистических наций, сложившееся у нас после Октября, способствует небывалому взаимному обогащению литератур народов страны социализма.

Между тем при разработке отдельных разделов истории советской литературы та сторона дела учитывается далеко не всегда. Достаточно ознакомиться хотя бы с действующими вузовскими учебниками по русской советской литературе, которые в основном верно отражают состояние нашей литературоведческой науки, чтобы убедиться в этом. Изучение же истории нашей литературы прошлого века как истории литературы многонациональной, по существу, вообще лишь намечается. Вот почему каждый шаг в этом направлении заслуживает особого внимания.

Именно таким шагом следует признать монографию М. Фетисова о литературных связях России и Казахстана в первой половине прошлого века, выпущенную Издательством Академии наук СССР. Не случайно эта книга вызвала ряд откликов в центральной и республиканской печати.

* М. И. Фетисов, Литературные связи России и Казахстана (30—50-е годы XIX века), Изд. АН СССР, М. 1956, 383 стр.

¹ «М. Горький. Материалы и исследования», т. 1, Л. 1934, стр. 253.